

*Десять
перчат*

АГАТА
КРИСТИ

Агата Кристи
Десять негритят

«ЭКСМО»

1939

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Десять негритят / А. Кристи — «Эксмо», 1939

ISBN 978-5-699-92130-0

Агата Кристи была великой женщиной. Мало кто мог столь успешно совмещать две, казалось бы, взаимоисключающие роли: автора ледящих душ детективов и образцовой домохозяйки. «Десять негритят» сама писательница считала лучшим своим произведением. Читатели вполне солидарны с ней – у книги лучшие продажи. Итак, скалистый остров, на котором собрались десять незнакомых друг с другом людей. Они не знают, что им предстоит повторить судьбу персонажей известного детского стишка про десять негритят.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92130-0

© Кристи А., 1939

© Эксмо, 1939

Содержание

Примечание автора	6
Глава 1	7
I	7
II	8
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	13
VIII	14
Глава 2	15
I	15
II	18
III	20
IV	21
V	22
VI	24
VII	26
VIII	27
IX	28
X	29
XI	30
XII	31
Глава 3	32
I	32
II	34
III	37
Глава 4	41
I	41
II	43
III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Агата Кристи

Десять негрят

Карло и Мэри

Эта книга для них, посвящается им с любовью.

Agatha Christie

And Then There Were None

Copyright © 1939 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

www.agathachristie.com

© Екимова Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Примечание автора

Я написала эту книгу потому, что это было очень трудно технически, и идея преследовала меня неотступно. На глазах читателя должны были произойти десять убийств, причем так, чтобы это было не смешно и не очевидно. Прежде чем начать писать, я прошла через длительный период планирования, результатами которого осталась довольна. Вещь получилась простой, внятной и ошеломительной и в то же время имела вполне разумное объяснение; для него, однако, потребовался эпилог. Книгу хорошо приняли читатели и критики, но больше всего была довольна результатом я сама – ведь никто лучше меня не знал, как это было непросто.

Из «Автобиографии»

Десять негрят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

Девять негрят уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся – их осталось восемь.

Восемь негрят отправились в Девон,
Один не возвратился – остались всемером.

Семь негрят дрова рубили топором,
Перерубил один себя – остались шестером.

Шесть негрят пошли на пасеку играть,
Одного ужалил шмель – и их осталось пять.

Пять негрят суд учинить решили,
Приговорили одного – осталось их четыре.

Четыре негрятенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок – и их осталось трое.

Трое негрят в зверинце очутились,
Одного задрал медведь – и двое получилось.

Двое негрят пошли на солнышке валяться,
Один до смерти обгорел – чтоб одному остаться.

Последний негрятенок, вздыхая тяжело,
Пошел, повесился – и вот не стало никого.

Глава 1

I

В вагоне первого класса для курящих судья Уоргрейв – недавно в отставке – сидел в уютном уголке и, попыхивая сигарой, с интересом просматривал политические новости в «Таймс».

Отложив газету, он посмотрел в окно. Поезд шел через Сомерсет. Судья взглянул на часы – еще два часа в дороге.

Он перебрал в уме все, что в последнее время появлялось в газетах о Негритянском острове. Сначала крошечный островок в паре миль от побережья Девона приобрел один американский миллионер, помешанный на яхтах, и построил на нем роскошный дом со всеми современными удобствами. К несчастью, оказалось, что его новая, третья по счету, супруга не выносит качки, и дом вместе с островом выставили на продажу. Газеты запестрели многочисленными цветистыми объявлениями. Затем последовало скупое сообщение о покупке дома неким мистером Оуэном. И тут газетные писаки пустились во все тяжкие. На самом деле Негритянский остров купила не кто иная, как мисс Габриэль Терл, голливудская кинозвезда. Она собиралась провести там несколько месяцев вдали от людских глаз. «Трудовая пчела» деликатно намекала, что острову предстояло стать обителью члена королевской семьи?! Мистеру Мерриуэзеру шепнули, что там намерен провести свой медовый месяц молодой лорд Л., наконец-то сраженный стрелой Купидона. А Джонасу было достоверно известно, что остров приобретен Адмиралтейством с целью проведения на нем каких-то невероятно секретных испытаний.

Негритянский остров определенно стал сенсацией.

Судья Уоргрейв извлек из кармана письмо. Почерк был практически нечитаемый, однако отдельные слова выступали из общей текстовой вязи удивительно ясно. «Дорогой Лоуренс... сколько лет я ничего о тебе не знаю... должен приехать на Негритянский остров... самое очаровательное место в мире... о нем столько говорят... прежние времена... единение с природой... ближе к солнцу... в 12.40 с вокзала Паддингтон... встретимся в Оуксбридже...» И подпись с замысловатыми завитушками: «Констанция Калмингтон».

Судья Уоргрейв задумался, вспоминая, когда же он видел Констанцию Калмингтон в последний раз. Лет, наверное, семь... нет, восемь лет назад, точно. Помнится, она еще собиралась в Италию, к тамошнему солнцу, природе и контадини¹. Позже, он слышал, она перебралась в Сирию, где солнце палит неумолимо, а кругом пустыня и бедуины.

Констанция Калмингтон, подумал он про себя, как раз та особа, которой станет купить остров и окружить его тайной! Мерно покачивая головой, словно одобряя ход своих мыслей, судья Уоргрейв заклевал носом...

И уснул.

¹ Крестьянство (*ит.*).

II

Вера Клейторн в купе вагона третьего класса, где ей составляли компанию еще пятеро пассажиров, откинулась на спинку и закрыла глаза. До чего же жарко сегодня в поезде! И как хорошо будет оказаться у моря! Нет, с этой работой ей определенно повезло. Когда ищешь летнюю подработку у моря, неизбежно предлагают места гувернанток с целыми выводками ребятишек, секретарские же вакансии попадаются крайне редко. В агентстве, куда она обратилась, ее с самого начала не обнадежили.

А потом вдруг пришло это письмо...

Сведения о вас вместе с рекомендациями я получила из Агентства по найму квалифицированного женского персонала. Насколько я поняла, они знают вас лично. Рада предложить вам работу за те деньги, которые вы просите, и ожидаю, что вы приступите к выполнению своих обязанностей восьмого августа. Поезд уходит с Паддингтона в 12.40, на станции Оуксбридж вас встретят. На расходы прилагаю пять купюр по одному фунту стерлингов.

Ваша

Анна Нэнси Оуэн

И штемпель с адресом сверху: «Негритянский остров, Стиклхэвн, Девон»...

Негритянский остров! В газетах в последнее время только о нем и пишут. И все слухи и домыслы... Ни слова правды, скорее всего. Однако дом, причем роскошный, на самом деле выстроил миллионер.

Вера Клейторн, утомленная последним, самым тяжелым школьным семестром, подумала: «Должность учительницы физкультуры в третьеразрядной школе для девочек не бог весть какая удача. Если бы мне повезло добыть место поприличнее...»

И тут же с захолонувшим сердцем подумала: «Хорошо, что хотя бы туда взяли. Упоминание о коронерском расследовании личное дело не украшает, пусть с меня и сняли все обвинения!»

Помнится, тогда она еще поздравила себя с тем, что ей не изменили твердость и присутствие духа. Дознание прошло как нельзя лучше. И миссис Хэмилтон была с ней сама доброта... только Хьюго... не надо сейчас думать о Хьюго!

Вдруг, несмотря на духоту в вагоне, она почувствовала, что зябнет, и даже пожалела, что едет к морю. Перед ее внутренним взором встала отчетливая картинка. Сирила несет на скалы, его голова покачивается на волнах, точно буй... вверх-вниз, вверх-вниз... и она сама, уверенными гребками рассекая волны, плывет за ним, точно зная, что не успеет, на этот раз не успеет...

Море... его теплая глубокая синева... утра, проведенные на гладком песочке... Хьюго... Хьюго, который твердил ей, что любит...

Не надо думать о Хьюго...

Открыв глаза, она нахмурилась, глядя на мужчину напротив. Высокий, загорелый, светлые, немного слишком близко посаженные глаза и высокомерный, даже жестокий рот.

Она подумала:

«Вот уж кто наверняка где только не побывал и чего только не повидал...»

III

Филипп Ломбард, окинув девушку напротив быстрым взглядом, сказал себе: «Ничего, симпатичная; немного похожа на учительницу, правда».

К тому же хладнокровна и своего не упустит, ни в любви, ни на войне. С такой стоило бы познакомиться поближе...

Тут он нахмурился. Нет, это надо выбросить из головы. Он едет туда по делу. Значит, думать следует только о работе.

Интересно, что там у них все-таки затевается? Тот коротышка-еврей ничего ему толком не объяснил.

– Вы должны либо согласиться, либо отказаться, капитан Ломбард.

– Сто гиней, говорите? – задумчиво переспросил он.

Прозвучало это небрежно, так, словно для него сотней гиней больше, сотней меньше – особого значения не имеет. Сто гиней для человека, которому уже приличный обед купить не на что! Однако еврей, похоже, не обманулся его тоном – их не проведешь, этих евреев, они всегда насквозь видят человека и его карман...

И так же небрежно он спросил:

– Значит, никакой дополнительной информации вы мне не дадите?

Мистер Исаак Моррис решительно покачал маленькой плешивой головой:

– Нет, капитан Ломбард, это все, что мне позволено вам сообщить. Моему клиенту стало известно, что у вас репутация надежного человека, умеющего действовать в рискованных обстоятельствах. Я уполномочен вручить вам сто гиней, в обмен на которые вы должны будете поехать в Стиклхэвн, что в Девоне. Ближайшая железнодорожная станция – Оуксбридж; там вас встретят и доvezут в автомобиле до берега, откуда в моторной лодке переправят на Негритянский остров. Ступив на его берег, вы окажетесь в распоряжении моего клиента.

– Надолго? – отрывисто спросил Филипп.

– Нет, самое большее, на неделю.

Поглаживая усы, капитан Ломбард сказал:

– Вы ведь понимаете, что я не могу браться за... противозаконные дела?

С этими словами он метнул на собеседника острый взгляд. Толстые семитские губы мистера Морриса чуть заметно изогнулись в улыбке, когда он серьезно ответил:

– Если сделанное вам предложение окажется противозаконным, вы имеете полное право отказаться от него.

Черт бы побрал этого мелкого наглеца, еще и улыбается! Как будто знает, что в прошлом мысль о законности или незаконности того или иного предприятия никогда не останавливала Ломбарда...

Губы капитана раздвинулись в ответной усмешке.

Да, было дело, разок-другой ему довелось забрать очень круто к ветру. Но все всегда сходило ему с рук! И вообще он человек свободных принципов...

Да, вот именно. И он решил, что на Негритянском острове ему будет весело.

IV

В вагоне для некурящих восседала мисс Эмили Brent, по своему всегдашнему обыкновению, с прямой, как палка, спиной. В свои шестьдесят пять она не одобряла тех, кто сидел развалившись или откинувшись. Ее отец, полковник старой закваски, был особенно придирчив к осанке. Не то что нынешнее расхлябанное поколение – распушенность видна у них и в манере держать себя, и во всем...

Окруженная аурой непогрешимой добродетели и несгибаемых принципов, мисс Brent сидела в переполненном вагоне третьего класса и торжествовала над жарой и неудобствами. Сколько шума поднимают в наши дни люди из-за сущих пустяков! Приходят рвать зубы, так подавай им укол; не могут заснуть – пьют таблетки; сидят только в креслах, да еще с подушками; девушки позволяют себе щеголять без корсетов, а уж на пляжах и вовсе чуть не голышом валяются...

Мисс Brent поджала губы. Брали бы лучше пример с нее.

Ей вспомнились прошлогодние каникулы. В этом году все будет по-другому. Негритянский остров...

И она снова вспомнила письмо, которое уже знала наизусть.

Дорогая мисс Brent,

Надеюсь, Вы меня не забыли? Мы познакомились несколько лет тому назад, в августе, в пансионе Беллхэвн, и у нас с Вами оказалось немало общего.

Я открываю свой пансион на острове недалеко от побережья Девона. Думаю, что место с простой, но хорошей кухней для приличных людей старой закалки всегда найдет своего постояльца. Никаких полураздетых девиц и граммофонов до полуночи. Буду очень рада, если Вы сочтете возможным провести часть лета со мной, на Негритянском острове – совершенно бесплатно, разумеется, в качестве моей гостьи. Будет ли Вам удобно в начале августа? Числа, скажем, восьмого.

Искренне Ваша,

У.Н.О.

Что же это за имя? Подпись такая неразборчивая... Эмили Brent с раздражением подумала: «Люди сейчас подписываются совершенно непонятно».

Она перебрала в памяти всех, с кем встречалась в Беллхэвне. Туда она ездила два лета подряд. Была там одна милая дама средних лет... мисс... мисс... ну как же ее звали?... у нее еще отец был каноником. И еще некая мисс Олтон... Ормен... Да нет же, Оливер! Ну, конечно, Оливер.

Негритянский остров! В прессе в последнее время много о нем писали – что-то про американскую кинозвезду... или миллионера?

Да, подобные места часто продаются по дешевке – не всем ведь нужен остров. Сначала, конечно, романтика, уединение, но проживешь там какое-то время, хлебнешь неудобств по горло, и уже не терпится от него избавиться.

«Зато я сэкономлю на отдыхе», – подумала Эмили Brent.

С тех пор как перестали выплачиваться дивиденды по многим акциям, ее доходы сократились настолько, что подобные соображения уже нельзя было не принимать во внимание. Жаль, что она почти не помнит эту миссис – или мисс? – Оливер.

V

Генерал Макартур глянул в окно. Поезд уже въезжал в Эксетер, где ему предстояла пересадка. Черт бы побрал эти провинциальные ветки! По прямой-то до этого Негритянского острова рукой подать.

Он так толком и не понял, кто такой этот Оуэн. Знакомый Надувалы Леггарда вроде – и Джонни Дайера тоже.

«...Будут еще двое-трое армейских приятелей – поговорим о старых добрых временах».

Поболтать-то он всегда не прочь. Правда, в последнее время ему все чаще кажется, что люди его как-то сторонятся. А все из-за дурацких сплетен! «Богом клянусь, жестоко, – тридцать лет уже прошло! Армитедж проболтался, не иначе...» Нахальный молодой щенок! Да что он вообще о нем знает? Хотя ладно, что толку теперь думать об этом! Бывает иногда, почудится что-нибудь – вот и кажется, что люди на него странно смотрят.

А на Негритянский остров взглянуть будет интересно. О нем столько болтают... И, похоже, что в слухах о том, будто его купило то ли адмиралтейство, то ли военное министерство, то ли военно-воздушное ведомство, что-то есть...

Дом построил молодой Элмер Робсон, миллионер-американец. Говорят, вгροхал в него целые тысячи. Какой только роскоши там нет...

Эксетер! Ну, вот, теперь жди еще час. Он не хотел ждать. Он хотел ехать дальше...

VI

Доктор Армстронг вел свой «Моррис» по Солсберийской равнине. Он очень устал... Успех имеет и оборотную сторону. Было время, когда он сидел в своем кабинете на Харли-стрит² в безукоризненном костюме, в окружении самых современных приборов и самой роскошной мебели и ждал – ждал, когда пустые дни закончатся, и у него либо появится шанс, либо его постигнет поражение...

И вот он преуспевающий врач! Ему повезло! Хотя дело, конечно, не только в везении, но и в умении. А он хорошо знает свою профессию – хотя порою для успеха этого недостаточно. Удача все равно много значит. И она была на его стороне! Один точно поставленный диагноз, пара благодарных пациенток – женщин с деньгами и положением, – и о нем заговорили в обществе. «Попробуйте обратиться к Армстронгу... он совсем молодой... но уже такой опытный... Пэм годами ходила от одного врача к другому, и бесполезно, а он с первого раза поставил точный диагноз!» И покатило, как ком с горы.

Теперь доктор Армстронг был тем, кем лишь мечтал когда-то стать. Его рабочие часы расписаны на много дней вперед. На отдых совсем нет времени. Вот почему в это августовское утро он был рад покинуть Лондон и провести несколько дней на острове у девонширского побережья. Хотя и там его ждал не отдых. В полученном им письме его задача была обрисована довольно смутно, зато приложенный к письму чек был вполне конкретным. Просто огромный гонорар. Должно быть, у этих Оуэнов денег куры не клюют. Небольшое затруднение – муж беспокоится о состоянии здоровья супруги и хочет получить консультацию профессионала, но так, чтобы дама ничего не знала. Она и слышать не хочет ни о каких докторах. У нее, видите ли, нервы...

Нервы! Брови доктора поползли наверх. Ох уж эти женщины и их нервы! Но ничего, зато для бизнеса польза. У половины его пациенток нет ровно никаких проблем со здоровьем, просто занять себя нечем, но попробуй только скажи им об этом! Вот и приходится выкручиваться. «Не вполне удовлетворительное состояние (здесь следует длинное ученое слово), ничего серьезного, но небольшое медицинское вмешательство вполне уместно. Назначим простое лекарство...»

Что ж, успех врача как раньше, так и теперь зависит, по большей части, от веры в него больного. А Армстронг обладал приятными манерами и умел внушить доверие пациентам, и особенно пациенткам.

Счастье, что ему удалось взять себя в руки после того случая десять... нет, пятнадцать лет тому назад. А ведь он едва его не прикончил! Так бы и пошел вразнос... Но страх помог ему собраться. И бросить пить, совсем. Да, можно сказать, пронесло...

Тут мимо него, оглушительно сигналя, на скорости восемьдесят миль в час промчался роскошный автомобиль, «Суперспортс Далмейн». Доктор Армстронг чуть не въехал в живую изгородь. Один из этих молодых кретинов, что вечно носятся в провинции по дорогам... Как они его раздражают. Тоже ведь, можно сказать, пронесло. Дурак чертов!

² Харли-стрит – улица в Лондоне, получившая известность в XIX в. благодаря множеству обосновавшихся там специалистов различных областей медицины – высокого уровня и с высокими ставками.

VII

Тони Марстон, на полном ходу врываясь в деревушку под названием Мир, думал про себя так:

«До чего же много развелось этих водителей-черепах, просто жуть. Вечно кто-нибудь из них торчит на дороге! Да еще обязательно норовит вылезти на самую середину! Безнадежное это дело, садиться за руль в Англии... Не то что во Франции – вот там есть где разогнаться!»

Остановиться здесь, пропустить стаканчик, что ли? Все равно времени море. Ехать осталось всего каких-то сто миль. Да, пожалуй, можно выпить джина с имбирным пивом. День сегодня чертовски жаркий!

Зато на острове будет хорошо – если, конечно, погода не испортится. Интересно, кто же такие эти Оуэны? Богаты, поди, до неприличия. У Бэджера на таких нюх. Оно и понятно – когда своих денег нет, приходится вертеться...

Надеюсь, на выпивку они там не скупятся. Черт их знает, этих нуворишей в первом поколении... и жалко, что история насчет Габриэль Терл оказалась неправдой. Неплохо было бы потереться в компании кинозвезд.

А тут хорошо, если хоть пара девушек будет...

Выходя из отеля, он потянулся, зевнул, взглянул на небо и сел в свой «Далмейн».

Местные девушки уже с обожанием глядели ему вслед: еще бы – шесть футов спортивного мужского тела, курчавые волосы, загорелое лицо, ярко-голубые глаза...

Выжав до конца сцепление, он с ревом вырвался на узкую деревенскую улицу. Старики и мальчишки-посыльные шарахнулись в разные стороны. Последние с восхищением оглядывались на автомобиль.

Энтони Марстон продолжал свой триумфальный путь.

VIII

Мистер Блор ехал медленным поездом из Плимута. В его купе был всего один пассажир: старый моряк с мутным взглядом. Да и тот в данный момент уютно похрапывал в своем уголке.

Мистер Блор аккуратно записывал что-то в блокнот.

– Вот они все, – буркнул он себе под нос. – Эмили Брент, Вера Клейторн, доктор Армстронг, Энтони Марстон, старый судья Уоргрейв, Филипп Ломбард... Генерал Макартур, кавалер ордена Святого Михаила и Георгия и ордена «За боевые заслуги»... Дворецкий с супругой: мистер и миссис Роджерс...

Закрыв блокнот, мистер Блор положил его в карман и бросил взгляд на моряка в углу.

– Итого девять, – подвел он итог, ибо во всем любил аккуратность, и еще раз старательно перебрал в памяти все, что ему было известно об этом деле.

«Работенка непыльная, – размышлял про себя Блор. – Оступиться вроде не на чем. Надеюсь, мой вид подозрений не вызовет».

Он встал и принялся разглядывать себя в окно, как в зеркало. Оттуда на него глядело лицо с усами, подстриженными на армейский манер. Не слишком выразительное. Серые глаза посажены немного близко.

– Может, назваться майором? – продолжал размышлять вслух мистер Блор. – Нет, нельзя, там же будет этот военный старикашка. Он меня сразу раскусит... Южная Африка, – сказал он, – вот именно! Никто из них в Южной Африке не бывал, а я только что прочел целую подборку рассказов о путешествиях, так что наболтать что-нибудь смогу.

К счастью, в колониях попадаются разные люди. Мистер Блор полагал, что в роли южноафриканца со средствами он не вызовет подозрения ни в каком обществе.

Негритянский остров. Он бывал там в детстве... Вонючая, обгаженная чайками скала примерно в миле от берега.

И придет же людям охота строиться в таком месте! В плохую погоду там с тоски помереть недолго! Но у богатых свои причуды.

Старик в углу проснулся и сел со словами:

– Море ненадежное – нет, ненадежное!

– Верно, верно, – поддакнул мистер Блор. – Еще какое ненадежное.

Старик дважды икнул и плаксиво продолжил:

– Будет шторм.

– Нет, нет, старина, день сегодня отличный, – возразил мистер Блор.

Старик сердито пробурчал:

– Шторм идет. Я его чувствую.

– Что ж, может быть, и так, – согласился мистер Блор, не желая спорить.

Поезд подъехал к станции, встал, и старик, пошатываясь, поднялся.

– Моя оштановка. – И начал открывать окно.

Мистер Блор помог ему найти дверь. Старик встал на пороге. Воздел торжественно руку, подслеповато моргнул.

– Молищ и шмотри, – прошепелявил он. – Молищ и шмотри. Шудный день близок.

И выпал на перрон. Оттуда он, полулежа, посмотрел на Блора и с неколебимым достоинством произнес:

– Это я вам говорю, молодой щеловек. Шудный день близок.

Опускаясь на сиденье, мистер Блор думал: «Твой Судный день куда ближе моего!»

Но тут он, как скоро выяснится, ошибся...

Глава 2

I

Четыре человека стояли у здания вокзала в Оуккбридже, не зная, куда им идти. Возле каждого с чемоданами в руках ждали носильщики. Один из них крикнул:

– Джим!

Вперед вышел водитель такси.

– Вам случайно не на Негритянский остров? – спросил он с мягким акцентом уроженца Девона. Четыре человека ответили согласием – и тут же украдкой смерили друг друга быстрыми взглядами.

Шофер, адресуясь теперь к судье Уоргрейву, как старшему среди них, продолжил:

– Здесь две машины, сэр. Одна должна дожидаться медленного поезда из Эксетера – до него осталось минут пять; на нем прибудет еще один джентльмен. Может быть, кто-нибудь из вас согласится подождать? Так вам будет удобнее.

Вера Клейторн, ни на секунду не забывая о своей секретарской должности, ответила сразу.

– Я подожду, – сказала она, – если вы поедете. – Ее взгляд и голос выдавали человека, привыкшего распоряжаться другими по роду занятий. Она и сейчас словно делила девочек на пары для игры в теннис.

Мисс Брент чопорно ответила: «Благодарю», – наклонила голову и села в ближайшее такси, а шофер придержал для нее дверцу.

Судья Уоргрейв последовал за нею.

– Я подожду с мисс... – сказал капитан Ломбард.

– Клейторн, – отозвалась Вера.

– Меня зовут Ломбард, Филипп Ломбард.

Носильщики уже грузили в такси багаж. В салоне судья Уоргрейв с присущей его профессии осмотрительностью завел ничего не значащий разговор:

– Прекрасная нынче погода.

– Да, действительно замечательная, – ответила мисс Брент.

«В высшей степени почтенный пожилой джентльмен, – подумала она про себя. – В приморском пансионе таких, как он, нечасто встретишь. Видимо, эти Оуэны и впрямь люди со связями...»

Тем временем Уоргрейв продолжал:

– Вы хорошо знаете эти места?

– Я бывала в Корнуолле и в Торки, но в этой части Девона впервые.

– Я также незнаком с этой местностью, – сказал судья.

Такси отъехало.

Водитель второй машины предложил:

– Не хотите посидеть внутри до прихода поезда?

Вера решительно ответила:

– Нет, спасибо.

Капитан Ломбард улыбнулся и произнес:

– Вон та освещенная солнцем стена кажется мне гораздо привлекательнее. Или, может быть, вы предпочтете пройти внутрь станции?

– Вовсе нет. После духоты вагона так приятно побыть на свежем воздухе.

– Да, ездить поездом в такую жару настоящее испытание, – ответил он.

Вера предсказуемо добавила:

– Хорошо бы она все-таки постояла – я имею в виду жару. Английское лето так обманчиво...

Ломбард, не претендуя на оригинальность, спросил:

– Вы хорошо знаете эти места?

– Нет, я никогда не бывала здесь прежде. – И она торопливо добавила, решив с самого начала четко обозначить свое положение: – Я еще даже не видела мою нанимательницу.

– Вашу нанимательницу?

– Да, я секретарь миссис Оуэн.

– А, понятно. – Его манера обращения к ней тут же переменилась, хотя и едва заметно. Прибавилось уверенности, легче стал тон. – Разве это не странно? – спросил он.

Вера рассмеялась:

– Ничего странного. Ее секретарша внезапно заболела, она отправила телеграмму в агентство, прося замену, агентство выбрало меня.

– Вот, значит, как... А что, если вам не понравится работа, когда вы уже приедете на место?

Вера снова засмеялась:

– Но это же временно – только до конца лета. Вообще-то я работаю – в школе для девочек. По правде говоря, я просто дрожу от нетерпения, до того мне хочется увидеть Негритянский остров. В газетах столько о нем писали... Так что мне, можно сказать, повезло, как вы думаете?

– Не знаю, – ответил Ломбард. – Я сам его еще не видел.

– Вот как? Наверное, Оуэнам он ужасно нравится... А что они за люди? Умоляю, расскажите.

«Вот невезение, – подумал Ломбард. – Что мне сказать – притвориться, что я их знаю, или не стоит?»

И он торопливо сказал:

– Рядом с вами оса – сейчас на руку сядет. Нет... не двигайтесь. – И он убедительно изобразил повадку человека, пытающегося поймать осу. – Ну, вот... Улетела.

– О, спасибо. Этим летом так много ос...

– Да, наверное, из-за жары... Кого мы ждем, не знаете?

– Понятия не имею.

Раздался громкий протяжный свист приближающегося паровоза.

– Должно быть, это тот поезд, – произнес Ломбард.

У выхода с платформы показался высокий старик с выправкой военного. Его серебристые волосы были коротко подстрижены, седые усы щеточкой топорщились над верхней губой. Носильщик, слегка сгибаясь под тяжестью солидного кожаного чемодана, указал ему на Ломбарда и Веру.

Вера на правах официального лица решительно шагнула вперед и сказала:

– Я секретарь миссис Оуэн. Нас ждет автомобиль. – И добавила: – А это мистер Ломбард.

Старческие бледно-голубые глаза, сохранившие, однако, пронизательность, взглянули на Ломбарда. Будь молодые люди внимательнее, то сразу поняли бы, какое он составил о нем мнение.

«Симпатичный парень. Хотя что-то в нем есть от афериста...»

Все трое двинулись к такси. Машина провезла их по улочкам сонного маленького Оукбриджа и выехала дальше, на большую плимутскую дорогу. Свернув с нее, она углубилась в лабиринт проселков, ныряющих с холма на холм под навесом деревьев, как лесные тропы.

Генерал Макартур произнес:

– Я совсем не знаю этой части Девона. У меня самого небольшой дом в этом графстве, но на востоке, почти на границе с Дорсетом.

– Тут и вправду очень мило, – сказала Вера. – Холмы, краснозем, все кругом цветет, зеленеет...

– Тесновато как-то... – критически заметил Филипп Ломбард. – Я люблю места, где больше простора. Чтобы видна была перспектива...

– Вы, надо полагать, повидали мир? – спросил генерал Макартур.

Ломбард пренебрежительно пожал плечами:

– Да, меня поносило по свету, сэр.

А сам подумал:

«Сейчас он спросит, сколько мне было лет во время войны³. С этими стариками всегда одно и то же».

Но генерал Макартур не обмолвился о войне ни словом.

³ Имеется в виду Первая мировая война.

II

Перевалив через крутой гребень холма, дорога стала спускаться к Стиклхэвну – так называлась даже не деревушка, а кучка домов с парой-тройкой рыбацких лодок на берегу.

В лучах закатного солнца к югу от берега из волн вставал Негритянский остров.

Вера удивленно сказала:

– О, а он, оказывается, далеко.

Остров представлялся ей иначе – ближе к берегу, с прекрасной белой виллой на вершине. Но никакой виллы не было, только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая человеческую голову с толстыми губами и носом. В ней было что-то зловещее. Вера поежилась.

У маленькой гостиницы под названием «Семь звезд» сидели трое. Она издалека разглядела сутулые плечи судьи, прямую спину мисс Brent и еще кого-то третьего – высокого корпулентного мужчину, который подошел к автомобилю и представился.

– Мы тут решили вас подождать, – сказал он. – Чтобы не гонять лодку дважды. Позвольте представиться. Мое имя Дэвис. Наталь, в Южной Африке, – моя родина, ха, ха!

И он сердечно засмеялся.

Судья Уоргрейв бросил на него откровенно недоброжелательный взгляд. Судя по всему, ему очень хотелось отдать распоряжение очистить залу суда. Мисс Эмили Brent никак не могла решить, симпатичны ей выходцы из колоний или не очень.

– Кто-нибудь хочет промочить горло на дорожку? – обратился мистер Дэвис ко всем.

Никто не ответил согласием на его радушие, и он, повернувшись спиной, поманил кого-то пальцем, сказав:

– Ну, нет, так нет. Наши хозяева и так нас, наверное, заждались.

Возможно, мистер Дэвис заметил ничем не объяснимую скованность, овладевшую вдруг всеми. Гости как будто оцепенели при одном упоминании о хозяевах.

В ответ на жест Дэвиса от стены напротив отделился какой-то человек и подошел к ним. Походка вразвалочку выдавала в нем моряка. У него было загорелое лицо, а его темные глаза словно избегали смотреть на собеседника прямо. Он заговорил мягко, как все девонширцы.

– Вы готовы отправиться на остров, леди и джентльмены? Лодка ждет. Подъедут еще два джентльмена на автомобилях, но они могут прибыть когда угодно, так что мистер Оуэн распорядился их не ждать.

Все встали. Моряк вывел их на небольшой каменный причал. Рядом покачивалась на волнах моторная лодка.

– Это очень маленькая лодка, – сказала Эмили Brent.

Владелец плавучего средства начал ее убеждать:

– Хорошая лодка, мадам. До Плимута дойдет, и глазом моргнуть не успеете.

– Нас ведь много, – резко произнес судья Уоргрейв.

– Случалось ей брать и больше.

Филипп Ломбард беззаботно бросил:

– Все будет в порядке. Погода отличная, не штормит.

Не без колебаний мисс Brent позволила проводить себя в лодку первой. Остальные последовали за ней. Никакого единства в компании по-прежнему не наблюдалось. Приглашенные на остров словно недоумевали каждый про себя, что здесь делают остальные.

Хозяин лодки уже собирался оттолкнуться от причала, но так и застыл с багром в руке.

По крутой дороге, ведущей с холма вниз, к деревне спускался автомобиль. Он был фантастически мощен и столь безупречно красив, что походил на видение. За рулем сидел молодой

мужчина, его волосы развевал ветер. В красном свете закатного солнца он казался не человеком, а небожителем, героическим юным богом северных саг.

Мужчина коснулся клаксона, и громкий рев пробудил эхо в скалах бухты.

Зрелище было изумительное. На мгновение Энтони Марстон показался всем больше, чем просто смертным. Позже все, кто был тогда на берегу, вспоминали тот волшебный миг.

III

Фред Нарракотт, сидя на корме у мотора, размышлял о том, какая странная подобралась компания. Не так он представлял себе гостей мистера Оуэна. Ожидал увидеть кого-нибудь пошкарнее. Дам в длинных летних пальто, яхтсменов в белых костюмах, богатых и важных...

А эти совсем не то, что гости мистера Элмера Робсона. Легкая улыбка тронула губы Фреда Нарракотта, стоило ему вспомнить приятелей миллионера. Вот у того были вечеринки, так вечеринки – а уж пили сколько!

Но этот мистер Оуэн, видать, совсем другого поля ягода. Чудно, однако, подумал Фред, что он еще ни разу не видал ни самого мистера Оуэна, ни его миссис. Не приезжали они еще сюда, ни разу. За все платил и всем командовал тот мистер Моррис. Распоряжения всегда давал ясные и четкие, платил вовремя, а все одно странно. В газетах этого мистера Оуэна называли таинственным... Что ж, он, Фред Нарракотт, готов это подтвердить.

Может, это все-таки мисс Габриэль Терл купила остров? Но нет, моряк отказался от этой мысли, стоило ему еще разок взглянуть на пассажиров. Только не эти – вряд ли кто из них близко к кинозвезде когда-нибудь подходил.

Он бесстрастно принялся оценивать пассажиров.

Одна кислая старая дева, уж он таких повидал. Суший дьявол в юбке; дай ей волю, на голову сядет. Один престарелый джентльмен, судя по виду, настоящий военный. Одна молодая леди – симпатичная, но не звезда; нет в ней ни лоска, ни голливудского шика. А вон тот толстый весельчак – он-то не из настоящих джентльменов. Торговец на покое, вот кто он такой, подумал Фред Нарракотт. Другой, поджарый, как будто голодный с виду, глаза так и бегают, – подозрительный тип, с таким держи ухо востро. Хотя, может, он-то как раз имеет отношение к фильмам...

Нет, во всей лодке только один пассажир соответствовал его ожиданиям. Тот последний джентльмен, который приехал на машине. (И какой машине! В Стиклхэвне такой отродясь не видали. Стоит, наверное, кучу денег.) Вот он – джентльмен что надо. Родился в деньгах, сразу видно. Если бы и другие были вроде него... тогда все было бы понятно...

Нет, странная все же компания, как ни крути, очень странная...

IV

Лодка, вспенивая волну, обходила скалы. Наконец показался дом. Южная сторона острова сильно отличалась от северной. Здесь скалы мягкими уступами спускались к океану. Дом тоже смотрел на юг – невысокий, квадратный, современный, с большими круглыми окнами, пропускавшими много света.

Великолепный дом, уж он-то оправдывал любые ожидания!

Фред Нарракотт заглушил двигатель, и лодка своим ходом вошла в небольшую естественную бухту между скалами.

– Трудно, наверное, причаливать здесь, когда погода дрянь, – отрывисто заметил Филипп Ломбард.

Фред Нарракотт жизнерадостно подтвердил:

– Что вы, когда дует юго-восток, на Негритянском острове вообще не пристанешь. Иногда неделями.

Вера Клейторн подумала: «Как здесь, должно быть, трудно с доставкой... С островами всегда так – любая домашняя мелочь превращается для них в проблему».

Дно лодки заскребло о камни. Фред Нарракотт выпрыгнул на сушу и вместе с Филиппом Ломбардом помог сойти остальным. Потом крепко-накрепко привязал лодку к кольцу в скале и лишь тогда повел компанию наверх, по вырезанным в диком камне ступеням.

– Ха! – воскликнул генерал Макатур. – Славное местечко!

Хотя в душе ему совсем так не казалось. Чертовски все-таки странное место.

Но пока компания поднималась по ступеням, на душе у многих полегчало, а когда все вышли на просторную террасу, общее настроение значительно улучшилось. У распахнутой двери дома стоял дворецкий – воплощенная корректность; его торжественный вид убедил гостей в том, что все идет как надо. Да и сам дом был более чем привлекателен, а с террасы открывался поистине несравненный вид...

Дворецкий шагнул вперед и едва заметно поклонился. Он был высок, худощав, сед – одним словом, имел респектабельную внешность.

– Добро пожаловать, – сказал он.

В просторном холле их уже ждали напитки. Целые ряды бутылок. Энтони Марстон слегка воспрянул духом. А то уж он было испугался, что здесь тоска смертная... Подумать только, никого из его круга! И о чем только думал старина Бэджер, втавив его в такую компанию? Ладно, хоть выпивка приличная. И льда хватает...

Что там болтает этот старикан дворецкий?

Мистер Оуэн... к несчастью, задерживается... прибудет завтра... распоряжения... все, что пожелают... а пока не соизволят ли гости осмотреть свои комнаты... обед в восемь...

V

Вера поднялась наверх следом за миссис Роджерс. Та распахнула дверь в конце коридора, и девушка шагнула в изумительную спальню, одно большое окно которой смотрело прямо на море, а другое выходило на восток. От удовольствия она даже вскрикнула.

– Надеюсь, здесь есть все, что нужно, мисс? – спросила миссис Роджерс.

Вера огляделась. Ее багаж был уже внесен и распакован. Открытая дверь в боковой стене комнаты показывала ванную с голубым кафелем.

Она быстро ответила:

– Да, думаю, что все.

– Вы позвоните, если вам что-нибудь понадобится, мисс?

Голос у миссис Роджерс был ровный и монотонный. Вера взглянула на нее с любопытством. Прямо призрак, а не женщина! Бледная, вся какая-то бескровная, но очень уважаемая, в черном платье, с туго зачесанными назад волосами. Странно – ее светлые глаза все время перебегали с предмета на предмет.

Вера еще подумала: «Как будто собственной тени боится».

Вот именно – боится!

Женщина имела вид человека, живущего в смертельном страхе...

Мурашки пробежали у Веры по коже. Чего здесь можно бояться?

Вслух она любезно сказала:

– Я новый секретарь миссис Оуэн. Наверное, вы уже знаете.

– Нет, мисс, – ответила миссис Роджерс. – Я ничего не знаю. Получила список леди и джентльменов с указанием, кого в какую комнату поселить, и всё.

– Так миссис Оуэн ничего обо мне не говорила? – спросила Вера.

Ресницы миссис Роджерс дрогнули.

– Я не видела миссис Оуэн – пока не видела. Мы всего два дня как приехали.

«До чего эксцентричные люди эти Оуэны», – подумала Вера. Вслух же добавила:

– Кто здесь еще из прислуги?

– Только я и Роджерс, мисс.

Мисс Клейторн нахмурилась. Восемь человек в доме – десять, считая хозяина и хозяйку, – и всего пара слуг?

– Я хорошо стряпаю, а Роджерс все делает по дому, – пояснила миссис Роджерс. – Конечно, я не знала, что гостей будет так много.

– Но вы справитесь? – спросила Вера.

– О, да, мисс, справлюсь. Если будут большие вечеринки, то миссис Оуэн, наверное, пригласит кого-нибудь мне в помощь.

– Наверное, так и будет, – согласилась мисс Клейторн.

Миссис Роджерс повернулась, чтобы идти. Бесшумно ступая, она выскользнула из комнаты, словно тень.

Вера подошла к окну и села. Ей было слегка не по себе. Все казалось очень странным. И отсутствие Оуэнов, и эта миссис Роджерс, бледная, точно призрак... А гости! Да, гости тоже удивительные. Совершенно нелогично подобранная компания.

Вера подумала: «Жаль, что я никогда не видела этих Оуэнов... Хоть бы одним глазком взглянуть, что они за люди такие».

Она встала и беспокойно прошлась по комнате.

Идеальная спальня, полностью в современном стиле. Желтовато-белые ковры на натертом до блеска паркете – чуть подкрашенные стены – высокое зеркало в оправе из лампочек. Каминная полка, голая, не считая огромного куска белого мрамора в форме медведя – в этот

образчик современной скульптуры были вмонтированы часы. Над ними в блестящей хромированной оправе висел прямоугольник пергамента – какое-то стихотворение.

Остановившись перед камином, она стала читать. Это оказалась шуточная песенка, которую она помнила с детства.

Десять негрят решили пообедать,
Один внезапно подавился – их осталось девять.

Девять негрят уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся – их осталось восемь.

Восемь негрят отправились в Девон,
Один не возвратился – остались всемером.

Семь негрят дрова рубили топором,
Перерубил один себя – остались шестером.

Шесть негрят пошли на пасеку играть,
Одного ужалил шмель – и их осталось пять.

Пять негрят суд учинить решили,
Приговорили одного – осталось их четыре.

Четыре негритенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок – и их осталось трое.

Трое негрят в зверинце очутились,
Одного задрал медведь – и двое получилось.

Двое негрят пошли на солнышке валяться,
Один до смерти обгорел – чтоб одному остаться.

Последний негритенок, вздыхая тяжело,
Пошел, повесился – и вот не стало никого.

Вера улыбнулась. Ну, конечно! Это же Негритянский остров!
Она снова подошла к окну и села, глядя на море.
Какое оно большое! И никакой суши впереди – только синий простор с бликами заходящего солнца.

Море... Такое мирное сегодня – и такое жестокое иногда... Море, которое затягивает в свои глубины. Топит. Погружает в себя... Топит в себе... Топит... топит... топит...

Нет, не надо вспоминать. Не надо думать о том, что было!

Все давно прошло...

VI

Когда доктор Армстронг прибыл на Негритянский остров, солнце уже садилось в море. Переправляясь, он болтал с лодочником – местным жителем. Пытался выяснить у него что-нибудь о новых владельцах острова, но тот оказался до странности неосведомленным – то ли действительно ничего не знал, то ли не хотел говорить. Поэтому пришлось доктору Армстронгу ограничиться разговорами о рыбалке и погоде.

Долгая дорога за рулем утомила его. Болели глаза. Ведь, когда едешь на запад, все время смотришь на солнце.

Да, он очень устал. Море и полный покой – вот что ему нужно. Вообще неплохо было бы взять отпуск, съездить куда-нибудь, расслабиться... Но этого он как раз не мог себе позволить. Нет, деньги у него, конечно, были. Выпасть из обоймы – вот чего он не мог позволить. Тех, кто выбывает из гонки, в наше время забывают сразу... Ну, все, он на месте, пора настраиваться на рабочий лад.

Он подумал: «И все-таки хотя бы на один вечер я могу притвориться, будто никогда больше не вернусь ни в Лондон, ни на Харли-стрит, будто я навсегда покончил с обоими».

Все-таки остров – магическое место. Само слово чего стоит. На острове теряешь связь с большим миром, оказавшись в маленьком независимом мирке. В мирке, который может удержать приезжего навсегда.

Доктор опять подумал: «Я оставляю мою повседневную жизнь позади».

И, улыбнувшись своим мыслям, принялся строить планы, фантастические планы своего будущего. Он еще улыбался, всходя по выбитым в скале ступеням.

В кресле на террасе сидел пожилой джентльмен, который показался Армстронгу знакомым. Где же он мог видеть это широкое лягушачье лицо, эту жилистую черепашую шею, эти сутулые плечи – и эти светлые пронзительные глаза? Ну, конечно, – это же судья Уоргрейв. Однажды ему довелось давать показания в суде, где тот председательствовал. Вид у него обычно полусонный, но во всем, что касается закона, ему палец в рот не клади. Присяжные смотрели на него, как кролики на удава, – говорят, он мог заставить их изменить свое мнение на прямо противоположное буквально по любому поводу. Пару раз ему удалось выжать из них обвинительный приговор, когда этого никто не ждал. Судья-вешатель, вот как его прозвали.

Надо же, где довелось встретиться... на краю света, можно сказать.

Судья Уоргрейв между тем думал: «Армстронг? Помню, как он давал показания. Осторожный, все время боялся сболтнуть лишнее. Все доктора – дураки. А эти, с Харли-стрит, – особенно». И он с недобрим чувством припомнил свой недавний разговор с одним скользким типом, чей кабинет находился как раз на этой улице.

Вслух он пробурчал:

– Спиртное в холле.

Армстронг сказал:

– Нужно сначала пойти и засвидетельствовать почтение хозяину и хозяйке.

Судья Уоргрейв снова прикрыл глаза, отчего решительно сделался похож на рептилию, и произнес:

– Невозможно.

– Почему же? – удивился доктор.

– Нет ни хозяина, ни хозяйки, – ответил судья. – Очень странно. Непонятное место.

С минуту Армстронг не спускал с него глаз. Он уже решил, что старый джентльмен заснул, когда тот внезапно произнес:

– Вы знакомы с Констанцией Калмингтон?

– Э-э... нет, к сожалению.

– Не важно, – сказал судья. – Туманная особа – и почерк такой неразборчивый... Я уже начал сомневаться, в тот ли я дом приехал.

Доктор Армстронг покачал головой и стал подниматься по лестнице.

VII

Судья Уоргрейв продолжал размышлять о Констанции Калмингтон. Ненадежная, как все женщины.

Потом его мысли переключились на женщин в доме – старую деву с поджатым ртом и девушку. Последняя ему не понравилась особенно – расчетливая молодая дрянь. Хотя женщин вообще трое, считая миссис Роджерс, жену дворецкого. Странная особа, ведет себя так, точно до смерти напугана... Однако вид у нее, как и у мужа, порядочный, и дело свое знают.

Как только Роджерс показался на террасе, судья Уоргрейв подозвал его и спросил:

– Леди Констанцию Калмингтон ждут, не знаете?

Роджерс вытаращил глаза.

– Нет, сэръ, насколько мне известно.

Брови судьи поползли на лоб. Но он лишь хмыкнул. Про себя же подумал:

«Негритянский остров, значит? Вот тебе и ложка дегтя в бочке меда...»

VIII

Энтони Марстон принимал ванну, нежась в горячей воде. Как приятно расправить руки и ноги, затекшие от долгого сидения за рулем... Он почти ни о чем не думал. Энтони вообще привык жить ощущениями – и действиями.

Одна мысль его все же посетила: «Придется держаться до конца», – и в голове снова стало пусто и тихо.

Теплая вода, парок над ванной... усталость... потом побриться... коктейль... обед.
А после?..

IX

Мистер Блор завязывал галстук. Ему не хватало опыта.

Так, что ли? Да так вроде...

Никто из них не был с ним особенно сердечен. И все так чудно глядели друг на друга – будто знали...

Ну и пусть; в конце концов, его дело зависит только от него самого.

А уж он не напортачит.

Его взгляд скользнул по рамке со стихотворением на стене.

Надо же, последний штрих прямо!

Блор подумал: «Помню этот остров в детстве. Кто бы мог сказать тогда, что здесь построят дом, куда пригласят меня для дела... Может, оно и к лучшему, что будущего никто не знает».

Х

Генерал Макартур хмурился.

Черт побери, до чего странная и неприятная оказия! Совсем не то, чего он ожидал...

Смыться бы отсюда поскорей, под любым предлогом... И к черту все эти посиделки.

Но лодка уже ушла.

Придется остаться.

Подозрительный тип этот Ломбард. Наверняка мошенник. Генерал готов был поклясться в этом.

XI

С первым ударом гонга Филипп Ломбард вышел из комнаты и стал спускаться в столовую. Двигался он, как пантера, – легко и бесшумно. Он и внешне чем-то напоминал пантеру. Хищника – ловкого, приятного глазу.

Он улыбался своим мыслям.

Неделя, значит?

Что ж, эту неделю он проведет с удовольствием.

XII

Мисс Эмили Брент, уже переодевшись в черный шелк к обеду, сидела в своей спальне и читала Библию.

Ее губы беззвучно шевелились:

«Обрушились народы в яму, которую они выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их. Познан был Господь по суду, который Он совершил: нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад...»⁴

Ее рот сомкнулся. Она захлопнула Библию.

Встав, мисс Брент приколола к вороту брошь из дымчатого топаза и вышла.

⁴ Пс. 9:16–18.

Глава 3

I

Обед близился к концу.

Еда была хорошая, вино – отличное. Роджерс обслуживал умело.

У всех поднялось настроение. Разговоры стали свободнее и доверительнее.

Судья Уоргрейв, разогретый хорошим портвейном, ядовито острил, доктор Армстронг и Тони Марстон слушали. Мисс Брент болтала с генералом Макартуром – у них обнаружись общие знакомые. Вера Клейторн задавала мистеру Дэвису неглупые вопросы о Южной Африке. Тот отвечал охотно и пространно. К их разговору прислушивался Ломбард. Раз-другой он вскидывал голову и прищурился. В остальное время Ломбард оглядывал лица сидящих за столом, останавливаясь то на одном, то на другом.

Неожиданно Энтони Марстон произнес:

– Интересные штучки, правда?

В центре большого круглого стола на круговой подставке стояли фигурки из фарфора.

– Негритята, – продолжал Тони. – И остров Негритянский. Для колорита, наверное.

Вера подалась вперед.

– Может быть... Сколько их? Десять?

– Да... точно, десять.

– Как смешно! – воскликнула мисс Клейторн. – Это же десять негрятят из стихотворения!

Оно висит в моей комнате, в рамочке, над камином.

– В моей тоже, – сказал Ломбард.

– И в моей.

– И у меня, – заговорили все хором.

– Какая занятная идея, правда? – сказала Вера.

Судья Уоргрейв буркнул:

– Детство, да и только, – и налил себе еще портвейна.

Эмили Брент посмотрела на Веру Клейторн. Вера Клейторн посмотрела на мисс Брент.

Обе женщины встали.

Окна из гостиной на террасу были распахнуты, внизу ласково мурчал прибор.

– Приятный звук, – сказала мисс Брент.

Вера резко ответила:

– Я его ненавижу.

Эмили Брент посмотрела на нее с удивлением. Вера вспыхнула и уже более спокойно добавила:

– Мне кажется, в шторм здесь вряд ли будет так хорошо.

Мисс Брент согласилась.

– Без сомнения, на зиму дом запирается, – сказала она. – Где найти слуг, которые согласились бы остаться здесь до весны?

– Которые вообще согласились бы работать здесь, – прошептала Вера.

Эмили Брент продолжала:

– Миссис Оливер повезло с этой парой. Женщина отлично готовит.

«Забавно, как эти старики вечно все путают», – подумала мисс Клейторн.

Вслух она сказала:

– Да, я с вами согласна, миссис Оуэн и вправду повезло.

Эмили Brent тем временем вынула из сумки изящное дамское рукоделие – и застыла с ниткой и иглой в руках.

– Оуэн? Вы сказали, Оуэн? – резко переспросила она.

– Да.

Так же резко Эмили Brent добавила:

– В жизни не встречала никого с такой фамилией.

Вера посмотрела на нее внимательно.

– Но ведь...

Фразу она не закончила. Отворилась дверь, вошли мужчины. За ними с подносом с кофе в руках следовал Роджерс.

Судья подошел и сел возле Эмили Brent. Армстронг остановился рядом с Верой. Тони Марстон профланировал к открытому окну. Блор с изумлением неискушенного любителя разглядывал бронзовую статуэтку – не иначе, ломал голову, как можно считать эти причудливые углы изображением женской фигуры. Генерал Макартур стоял спиной к камину и поглаживал свои аккуратные седые усики. Чертовски хороший был обед! У него поднималось настроение. Ломбард листал «Панч», вместе с другими журналами лежавший на столике у стены.

Роджерс обнес всех кофе. Кофе был отличный – по-настоящему черный и очень горячий.

Гости славно пообедали и теперь были вполне довольны собой и жизнью. Стрелки часов показывали двадцать минут десятого. Наступила тишина – уютная и ненавязчивая.

И вдруг в эту тишину ворвался Голос. Резкий, жестокий, пронзительный...

– *Дамы и господа! Прошу внимания!*

Все вздрогнули. И стали оглядываться – друг на друга, на стены... Кто это говорит?

Голос продолжал – высокий и чистый:

– *Против вас выдвигаются обвинения по следующим пунктам:*

Эдвард Джордж Армстронг, 14 марта 1925 года вы стали причиной смерти Луизы Мэри Клиз.

Эмили Каролина Brent, вы ответственны за смерть Беатрис Тейлор, имевшую место 5 ноября 1931 года.

Уильям Генри Блор, 10 октября 1928 года вы совершили действие, приведшее к кончине Джеймса Стивена Ландора.

Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хэмилтона.

Филипп Ломбард, вы виновны в гибели двадцати одного человека из некоего восточно-африканского племени, имевшей место в феврале 1932 года.

Джон Гордон Макартур, вы обвиняетесь в том, что 4 января 1917 года намеренно послали на смерть Артура Ричмонда, любовника вашей жены.

Энтони Джеймс Марстон, 14 ноября прошлого года вы убили Джона и Люси Комбз.

Томас Роджерс и Этель Роджерс, 6 мая 1929 года вы способствовали смерти Джени-фер Брейди.

Лоуренс Джон Уоргрейв, 10 июня 1930 года вы убили Эдварда Ситона.

Обвиняемые, что вы имеете сообщить в свою защиту?

II

Голос смолк.

Мгновение все потрясенно молчали, пока не раздался страшный грохот. Это Роджерс уронил поднос.

В тот же миг из другой комнаты донесся пронзительный крик и глухой удар.

Первым отреагировал Ломбард. Он подскочил к двери и распахнул ее. Сразу за нею на полу лежала миссис Роджерс.

– Марстон! – крикнул Ломбард.

Энтони поспешил на помощь. Вдвоем они подняли женщину и внесли ее в гостиную.

К ним тут же подошел доктор Армстронг. Помог уложить женщину на диван, нагнулся над нею и отрывисто произнес:

– Ничего страшного. Обморок, только и всего. Сейчас очнется.

Ломбард обернулся к Роджерсу:

– Принесите бренди.

Дворецкий, белый как мел, с трясущимися руками пробормотал: «Да, сэр» – и выскользнул из комнаты.

– Чей это был голос? – крикнула Вера. – Где он? Он звучал как... как...

Генерал Макартур фыркнул:

– Что здесь происходит? Что за шутки?

У него тоже тряслись руки. Он весь ссутулился. И постарел лет на десять.

Блор вытирал лицо носовым платком.

Только судья Уоргрейв и мисс Brent не двинулись с места. Эмили Brent сидела прямо, как обычно, и высоко держала голову. На ее щеках горели два ярких пятна. Судья Уоргрейв тоже не изменил своей привычной позы – сидел, втянув голову в плечи, как черепаха. Пальцами одной руки он почесывал ухо. Только его глаза, живые и умные, озадаченно метались по комнате в поисках разгадки.

И снова первым начал действовать Ломбард. Пока Армстронг возился с потерявшей сознание женщиной, он взял дело в свои руки.

– Голос? Похоже, он был тут, в комнате, – сказал он.

– Кто это говорил? – еще раз воскликнула Вера. – Кто? Ведь мы все молчали!

Ломбард, как и судья, внимательно осмотрел комнату. Его взгляд на миг задержался на открытом окне, но он тут же решительно тряхнул головой. Вдруг его глаза вспыхнули, и он устремился к двери у камина, которая вела в смежную комнату. Схватившись за ручку, дернул дверь на себя, вошел – и почти сразу торжествующе вскрикнул.

Все услышали:

– Ага, вот он!

Остальные двинулись за ним. Только мисс Brent не шелохнулась, продолжая прямо сидеть в кресле.

В смежной комнате вплотную к стене гостиной стоял стол. На нем был граммофон – старинный, с большой трубой. Ее раструб прижимался к стене вплотную, и Ломбард, отодвинув его в сторону, показал всем на две или три аккуратные дырочки, просверленные в стене насквозь.

Вернув трубу на место, он опустил иглу на пластинку, и тут же все услышали снова:

– *Против вас выдвигаются обвинения...*

– Выключите! – закричала Вера. – Выключите его! Это ужасно!

Ломбард выключил.

Доктор Армстронг, облегченно вздохнув, заметил:

– Безвкусная и бессердечная шутка, на мой взгляд.
Раздался четкий негромкий голос судьи Уоргрейва:

– Значит, по-вашему, это всего лишь шутка?

Доктор уставился на него.

– Что же еще?

Ладонь судьи мягко легла на верхнюю губу. Он сказал:

– Я пока не готов вынести суждение.

– погодите, вы забыли одну вещь, – вмешался Энтони Марстон. – Кто, черт возьми, завел эту штуку и поставил пластинку?

– Да, думаю, было бы не лишним это выяснить, – пробормотал Уоргрейв.

И он пошел назад в гостиную. Остальные потянулись за ним.

Тут со стаканом бренди на подносе вошел Роджерс. Мисс Брент уже склонилась над сто-
нущей миссис Роджерс. Дворецкий тут же ловко вклинился между ними.

– Позвольте мне, мадам. Я с ней поговорю. Этель... Этель... все хорошо. Все в порядке, слышишь? Ну же, соберись.

Миссис Роджерс часто задышала. Ее глаза, вытаращенные, напуганные, обегали по кругу
лица стоявших над ней людей. Роджерс тревожно повторил:

– Этель, соберись, слышишь?

Доктор Армстронг заговорил с нею ласково:

– Ничего страшного, миссис Роджерс. Просто кто-то неудачно пошутил.

– Я упала в обморок, сэр? – спросила женщина.

– Да.

– Это все из-за голоса... того ужасного голоса... он как будто приговор читал...

Ее лицо опять позеленело, веки задрожали.

Доктор Армстронг резко произнес:

– Где бренди?

Стакан стоял на маленьком столике. Кто-то передал его доктору, тот поднес его к губам
женщины.

– Выпейте, миссис Роджерс.

Она сделала глоток, слегка поперхнулась, закашлялась. От спиртного ей стало лучше.
Краска вернулась к ее лицу. Она заговорила:

– Со мной все хорошо. Просто... просто я испугалась.

Вмешался Роджерс:

– Ничего удивительного. Я и то напугался. Даже поднос уронил... Грязная ложь, вот что
это такое! Хотелось бы мне знать...

Его прервали. Кто-то кашлянул – прерывисто и сухо, всего один раз, но этого хватило,
чтобы Роджерс осекся. Он посмотрел на судью Уоргрейва, тот кашлянул снова. Потом сказал:

– Кто поставил эту пластинку и завел граммофон? Вы, Роджерс?

– Я не знал, что это такое! – воскликнул дворецкий. – Богом клянусь, не знал, сэр. Если
бы я знал, я бы никогда этого не сделал.

– Возможно, – сухо заметил судья. – А пока мы ждем объяснений, Роджерс.

Дворецкий промокнул лицо платком и честно сказал:

– Я просто выполнял приказ, вот и всё, сэр.

– Чей приказ?

– Мистера Оуэна.

– Объясните понятнее, – попросил Уоргрейв. – В чем именно состоял приказ мистера
Оуэна?

Роджерс объяснил:

– Я должен был поставить на граммофон пластинку. Пластинка лежала в ящике стола, и моя жена должна была завести граммофон в ту самую минуту, когда я войду с подносом в гостиную.

– Весьма занимательная история, – проворчал судья.

– Но это правда, сэр! – воскликнул дворецкий. – Богом клянусь, правда. Я не знал, что было на пластинке, даже не догадывался. На ней есть название – я думал, что это музыка какая-то...

Уоргрейв повернулся к Ломбарду.

– На пластинке было название?

Тот кивнул, внезапно усмехнулся, открывая острые белые зубы, и сказал:

– Было, сэр. «Лебединая песня»...

III

Тут уже не выдержал генерал Макартур. Он закричал:

– Это неслыханно – просто неслыханно! Разбрасываться подобными обвинениями! Это нельзя так оставлять. Этот тип, этот Оуэн – кто бы он ни был...

Его перебила Эмили Брент.

– Вот именно, кто он? – резко бросила она.

Вмешался судья. Властным голосом, натренированным годами оглашения приговоров, он сказал:

– Это именно тот вопрос, ответ на который нам надлежит искать особенно тщательно. Роджерс, отведите-ка вашу супругу спать. А сами возвращайтесь.

– Да, сэр.

– Я помогу вам, – заявил доктор Армстронг.

Миссис Роджерс, пошатываясь, вышла из комнаты, поддерживаемая за руки двумя мужчинами. Когда они удалились, Тони Марстон сказал:

– Не знаю, как вы, сэр, а я бы выпил.

– Согласен, – отозвался Ломбард.

– Пойду, пошарю, – сказал Тони и вышел.

Вернулся он секунды через две.

– Поднос стоял прямо у входа, готовенький.

Марстон осторожно опустил на стол свою хрупкую ношу. Минута-другая прошла за разливанием напитков. Генерал Макартур выбрал чистый виски, также и судья. Всем хотелось взбодриться. Лишь Эмили Брент потребовала и получила стакан воды.

Вошел доктор Армстронг.

– С нею все в порядке, – сказал он. – Я дал ей успокоительное, она выпила... Что это у вас здесь, спиртное? Я бы тоже не отказался.

Кое-кто из мужчин уже наполнял свои стаканы повторно. Через пару минут в комнату вошел Роджерс.

Судья Уоргрейв открыл заседание. Комната превратилась в импровизированную залу суда.

– Итак, Роджерс, – произнес судья, – давайте выясним все доподлинно. Кто он такой, этот Оуэн?

Роджерс вытаращил на него глаза:

– Хозяин этого дома, сэр.

– Этот факт мне известен. Я хочу услышать от вас, что еще вы о нем знаете?

Дворецкий покачал головой:

– Больше я ничего не могу о нем сказать, сэр. Дело в том, что я никогда его не видел.

В комнате тихонько зашевелились.

– Никогда не видели? – спросил генерал Макартур. – В смысле?

– Мы здесь всего с неделю, сэр, я и моя жена. Нас наняли письмом, через агентство «Регина», в Плимуте.

Блор кивнул.

– Старая, солидная фирма, – подал он голос.

– Вы сохранили письмо? – спросил Уоргрейв.

– С приглашением на работу? Нет, сэр. Не сохранил.

– Продолжайте. Итак, вас наняли письмом...

– Да, сэр. В нем был назначен день приезда. Мы приехали. Здесь все было в порядке. Большой запас еды, все по высшему разряду. Нам только и надо было, что пыль смахнуть.

– Что дальше?

– Ничего, сэр. Мы получили указания – снова письменно – приготовить гостям комнаты, а вчера, дневной почтой, я получил от мистера Оуэна еще одно письмо. В нем говорилось, что он и миссис Оуэн запаздывают, и чтобы мы принимали гостей без них, а еще к письму была приложена инструкция насчет обеда, кофе и той пластинки, чтобы я ее поставил.

Судья резко спросил:

– Но уж это письмо вы должны были сохранить?

– Да, сэр. Вот оно.

Роджерс вытащил письмо из кармана. Уоргрейв протянул руку.

– Х-м, – сказал он. – Бумага отеля «Ритц», напечатано на машинке.

Одним стремительным прыжком Блор оказался рядом с ним.

– Позвольте мне взглянуть?

Он вырвал послание из рук судьи, пробежал глазами и пробурчал:

– Машинка «Коронейшн». Новая – без дефектов. Бумага гербовая, самого распространенного сорта. Из этого ничего не вытащишь. Могут быть отпечатки пальцев, но вряд ли.

Уоргрейв взглянул на него с любопытством.

Энтони Марстон стоял за спиной Блора, заглядывая ему через плечо.

– Странное у него имя, верно? – произнес он. – Алрик Норман Оуэн... Язык сломаешь.

Старый судья, едва заметно вздрогнув, сказал:

– Благодарю вас, мистер Марстон. Вы обратили мое внимание на любопытное и многозначительное обстоятельство.

Окинув взглядом присутствующих, он вытянул вперед шею, точно рассерженная черепаха, и продолжал:

– Думаю, настало время нам всем поделиться информацией. Было бы желательно, чтобы каждый рассказал все, что ему или ей известно относительно хозяина этого дома. – Помолчав, Уоргрейв продолжил: – Мы все у него в гостях. И, полагаю, мы только выиграем, если каждый из нас объяснит, как именно он здесь оказался.

Настала минутная пауза. Наконец Эмили Brent решительно заговорила:

– Все это очень странно. Я получила письмо с неразборчивой подписью. Предположительно от женщины, с которой я познакомилась на летнем курорте два или три года назад. Я решила, что письмо подписано Огден или Оливер. У меня есть знакомая миссис Оливер, а также мисс Огден. И я абсолютно уверена, что никогда не встречалась и не была в дружеских отношениях ни с кем по фамилии Оуэн.

– Письмо у вас при себе, мисс Brent? – спросил Уоргрейв.

– Да, сейчас я его принесу.

Она вышла и минуту спустя вернулась с письмом.

Судья прочитал его и сказал:

– Кажется, я начинаю понимать... Мисс Клейторн?

Вера поведала, как получила место секретаря.

– Марстон? – продолжал Уоргрейв.

– Получил телеграмму, – отозвался Энтони. – От приятеля. Баджера Беркли. Удивился – я думал, что старик в Норвегии... Он и пригласил меня сюда.

Уоргрейв снова кивнул.

– Доктор Армстронг?

– Меня пригласили для консультации.

– Понимаю. Вы знали эту семью раньше?

– Нет. В письме был упомянут мой коллега.

– Для убедительности... – подсказал судья. – А упомянутый коллега, надо полагать, тоже отсутствовал?

– Э-э... гм... ну, да.

Ломбард, который внимательно смотрел на Блора, вдруг сказал:

– Слушайте, я тут подумал...

Судья поднял руку:

– Одну минуту...

– Но я...

– Все свое время, мистер Ломбард. В настоящий момент мы исследуем причины, которые привели сюда каждого из нас. Генерал Макартур?

Дергая себя за ус, генерал пробормотал:

– Получил письмо... от этого типа, Оуэна... насчет армейских приятелей, которые тоже будут здесь... он еще извинялся, что не прислал официального приглашения. Письмо я, к сожалению, выбросил.

– Мистер Ломбард? – спросил Уоргрейв.

Филипп соображал. Сказать все, как есть, или нет? Он решил:

– То же самое. Приглашение с упоминанием общих знакомых... я купился. Письмо разорвал.

Судья повернулся к Блору. Указательным пальцем он поглаживал верхнюю губу, его голос звенел опасной вежливостью.

– Только что с нами произошло нечто неприятное, – произнес Уоргрейв. – Голос, лишенный тела, назвал нас всех поименно, предъявив каждому из нас серьезное обвинение. О них мы поговорим позже. А пока меня интересует другое. Среди обвиняемых был упомянут Уильям Генри Блор. Однако, насколько нам известно, никакого Блора между нами нет. Зато имя Дэвис не звучало. Что вы имеете сказать на этот счет, мистер Дэвис?

Блор угрюмо буркнул:

– Похоже, кошка выскочила из мешка... Наверное, лучше признаться, что мое имя не Дэвис.

– Вы – Уильям Генри Блор?

– Точно.

– Я хочу кое-что добавить, – вмешался Ломбард. – Вы здесь не просто под чужим именем, мистер Блор; сегодня вечером я имел возможность заметить, что вы первоклассный лжец. Вы говорили, что приехали из Наталя, в Южной Африке. Я знаю Южную Африку, знаю Наталь и готов поклясться, что ноги вашей никогда не бывало в этой стране.

Все повернулись к Блору. Злые глаза, полные подозрений, окружали его со всех сторон. Энтони Марстон шагнул к нему. Его руки сами собой сжались в кулаки.

– Ах ты, свинья, – сказал он. – Как ты это объяснишь?

Блор вскинул голову и выпятил квадратную челюсть.

– Вы, джентльмены, все неправильно поняли, – сказал он. – У меня есть документы, вы можете на них взглянуть. Я служил в уголовном розыске, раньше. Теперь у меня свое детективное агентство в Плимуте. Меня наняли сюда на работу.

– Кто нанял? – спросил Уоргрейв.

– Этот человек, Оуэн. Приложил солидный чек на расходы и объяснил, чего он от меня хочет. Я должен был присоединиться к компании, выдав себя за одного из гостей. Мне сообщили все ваши имена. Я должен был следить за всеми вами.

– С какой целью?

Блор горько ответил:

– Драгоценности миссис Оуэн... Как бы не так! По-моему, такой особы просто не существует!

И снова рука судьи протянулась к губе, на этот раз задумчиво.

– Полагаю, что ваш вывод вполне основателен, – сказал он. – Алрик Норман Оуэн! В письме к мисс Брент фамилия хотя и неразборчива, зато имена читаются вполне отчетливо – Анна Нэнси, – так что инициалы, как вы может видеть, те же самые. Алрик Норман Оуэн – Анна Нэнси Оуэн – иными словами, А.Н. Оуэн, Аноуэн. Из чего, при известном напряжении фантазии, легко получается АННОУН – НЕИЗВЕСТНЫЙ!⁵

– Но это же фантастика... безумие! – вскрикнула Вера.

Судья жалостливо кивнул и произнес:

– О, да. У меня нет никаких сомнений, что нас всех пригласил сюда опасный безумец, возможно, маньяк-убийца!

⁵ Имя У.Н. Оуэн записывается по-английски как U.N. Owen и звучит как «unknown» – «неизвестный».

Глава 4

I

На миг все смолкли. Воцарилась горестная, озадаченная тишина. Потом ясный и чистый голос судьи зазвучал снова:

– А теперь мы перейдем к следующей стадии нашего расследования. Правда, сначала я расскажу о себе.

Он вынул из кармана письмо и швырнул его на стол.

– Это послание написано якобы моей старинной приятельницей, леди Констанцией Калмингтон. Я не видел ее уже много лет. Она путешествует по Востоку. Письмо как раз в ее духе – расплывчатое, бессвязное; в нем она приглашает меня сюда, погостить, от имени хозяина и хозяйки, которых описывает также туманно. Так что прием один и тот же, как видите. Упоминаю о письме только потому, что оно согласуется с другими уликами – из чего вытекает одно любопытное умозаключение. Кем бы ни был тот человек, который заманил нас сюда, ему многое о нас известно; точнее, он потратил немало сил и времени, чтобы это узнать. К примеру, он – или она, не знаю – осведомлен о моей дружбе с леди Констанцией и даже знаком с ее эпистолярным стилем. Ему кое-что известно о коллегах доктора Армстронга и их настоящем местонахождении. Он знает прозвище друга мистера Марстона и то, какие тот обыкновенно шлет телеграммы. Он точно знает, где два года назад отдыхала летом мисс Brent и с кем она там встречалась. Он все знает об армейских друзьях генерала Макартура.

Он умолк. Потом продолжил:

– В общем, он знает очень много. И, основываясь на этом знании, выдвинул против нас вполне определенные обвинения.

Поднялся ропот возмущения.

– Все это наглая ложь! – крикнул генерал Макатур. – Клевета!

– Это ужасно! – воскликнула Вера, часто дыша. – Чудовищно!

Роджерс хрипло вымолвил:

– Ложь – все ложь... мы никогда... никто из нас...

Энтони Марстон буркнул:

– Даже не знаю, о чем там говорил этот болван!

Поднятая рука судьи Уоргрейва усмирила волнение. Он заговорил, тщательно подбирая слова:

– Я хочу заявить следующее. Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдварда Ситона. Я прекрасно помню этого человека. Он предстал перед судом в июне тридцатого года. По обвинению в убийстве пожилой леди. Адвокат был мастер своего дела и сумел составить у присяжных благоприятное мнение о своем подопечном. Тем не менее улики свидетельствовали против него. Я высказался соответственно, и присяжные вынесли вердикт «виновен». Вынося смертный приговор, я только подтвердил их мнение. Защита подала апелляцию на основании якобы имевшего место неправильного руководства. Ее отклонили, осужденного казнили. И теперь я хочу заявить перед всеми вами, что в этом деле моя совесть совершенно чиста. Я лишь исполнил свой долг, и ничего больше. Я вынес приговор человеку, признанному виновным судом.

Армстронг вспомнил. Дело Ситона! Приговор всех тогда удивил. Как раз во время слушаний он встретил в ресторане Мэтьюза, королевского адвоката. Тот был уверен, что выиграет дело. «Вердикт присяжных уже у нас в кармане. Оправдательный, почти наверняка». А потом до него доходили такие комментарии: «Судья был настроен против обвиняемого. Он убедил

присяжных, и они сыграли ему на руку. Но все строго по закону, не подкопаешься. Старый Уоргрейв свое дело знает. Хотя он практически свел с этим парнем счеты».

Воспоминание нахлынуло внезапно. И доктор, не успев подумать, спросил:

– А вы знали этого Ситона лично? Я имею в виду, до дела?

Холодные глаза рептилии глянули на него из-под набрякших век. Чистым холодным голосом судья произнес:

– Я ничего не знал о Ситоне до начала слушаний по его делу.

Армстронг подумал:

«Он лжет. Точно лжет».

II

Дрогнувшим голосом заговорила Вера Клейторн:

– Я тоже хочу рассказать. О том мальчике – Сириле Хэмилтоне. Я была его гувернанткой. Врачи запрещали ему заплывать далеко в море. Однажды, когда я была чем-то занята, он взял и поплыл. Я за ним... Но я не успела... Это было ужасно... Но я не виновата. Коронер на дознании сказал, что моей вины тут нет. А его мать – она была так добра... Если уж она не винила меня ни в чем, то зачем... зачем говорить тогда такие ужасные вещи? Это несправедливо, несправедливо...

И она горько заплакала.

Генерал Макартур похлопал ее по плечу и сказал:

– Ну, ну, девочка... Конечно, все это неправда. Этот тип просто спятил. Спятил, и все тут! Рехнулся! Телегу ставит впереди лошади.

Он выпрямил спину, расправил плечи и гаркнул:

– Не в моих правилах отвечать на клевету. Но на этот раз я чувствую, что придется... придется сказать, что в этом обвинении насчет... э-э... молодого Артура Ричмонда нет ни слова правды. Ричмонд был одним из моих офицеров. Я послал его в разведку. Его убили. На войне смерть – естественное дело. Должен сказать, что я оскорблен... клевета на мою жену. Безупречная женщина. Абсолютно – жена Цезаря!

Генерал Макартур сел и дрожащей рукой расправил усы. Было заметно, что речь стоила ему больших усилий.

Заговорил Ломбард. В его глазах плясали чертики. Он начал:

– Насчет тех дикарей...

– И что с ними? – подхватил Марстон.

Филипп Ломбард ухмыльнулся:

– Все верно. Я их бросил! Из чувства самосохранения. Мы заблудились в буше. Я и еще пара парней взяли оставшийся провиант и смылись.

Генерал Макартур сурово спросил:

– Вы бросили своих людей? Оставили их умирать с голоду?

– Да, – ответил Ломбард. – Я поступил не как пукка сахиб⁶, конечно. Но долг перед самим собой – первейший долг всякого человека. К тому же дикари не боятся умирать. Для них это не то же самое, что для нас, европейцев.

Вера отняла от лица ладони и спросила, глядя на него в упор:

– И вы бросили их – умирать?

– Я бросил их умирать, – ответил Ломбард.

И его веселые глаза глянули в ее, испуганные.

Энтони Марстон озадаченно сказал:

– Я тут подумал – Джон и Люси Комбз... Должно быть, это те двое ребяташек, которых я сбил под Кембриджем. Чертовски не повезло.

– Кому, им или вам? – ядовито спросил судья Уоргрейв.

– Вообще-то я имел в виду себя... – ответил Энтони, – хотя, конечно, вы правы, сэр... не повезло им. Но это была чистая случайность. Они просто взяли и выскочили на дорогу из-за какого-то дома. Меня тогда на год лишили прав. Дьявольски неудобно.

Доктор Армстронг пылко воскликнул:

– Нельзя, нельзя так гонять! Молодые люди вроде вас представляют угрозу для общества.

Энтони пожал плечами и ответил:

⁶ Пукка сахиб (англо-инд. pukka sahib) – истинный джентльмен.

– Машины будут ездить все быстрее. Хотя в Англии дороги безнадежны. Здесь и разогнаться-то негде.

Он рассеянно огляделся в поисках своего стакана, увидел его, взял и отошел к другому столу, где стояли виски и содовая. Уже оттуда бросил через плечо:

– Все равно суд признал, что это была не моя вина. Несчастный случай!

III

Слуга, Роджерс, уже давно нервно облизывал губы и ломал пальцы. Теперь он тихим подобострастным голосом произнес:

– Позвольте и мне сказать несколько слов, господа.

– Валяйте, Роджерс, – подбодрил его Ломбард.

Тот кашлянул и снова провел языком по сухим губам.

– Тут, сэр, шла речь обо мне и миссис Роджерс. И о мисс Брейди. Это все неправда, сэр. Мы с женой были с мисс Брейди до самого конца. Она страдала нездоровьем и раньше, еще до нас. А в ту ночь, сэр, – в ночь, когда ей стало плохо, – была гроза. Телефон испортился. Мы не смогли вызвать врача. Я сам пошел за ним, пешком. Но он пришел слишком поздно. Мы сделали для нее все, что могли. Мы были ей преданы. Кто угодно вам подтвердит. Никто никогда не сказал о нас дурного слова. Ни единого слова.

Ломбард задумчиво глядел на дергающееся лицо слуги, его сухие губы, напуганные глаза. Вспомнил про упавший с грохотом поднос. И подумал: «Да неужели?» – но вслух ничего не сказал.

Заговорил Блор – нагло-добродушно, как принято у полицейских:

– Получили что-нибудь после ее смерти, а?

Роджерс вытянулся и сухо произнес:

– Мисс Брейди оставила нам небольшое наследство в благодарность за долгую службу.

И что в этом дурного?

– А вы-то сами, мистер Блор? – встрял Ломбард.

– Что – я?

– Ваше имя тоже было в списке.

Блор побагровел.

– Вы про Ландора? Случай с ограблением банка – Лондонский коммерческий...

Судья Уоргрейв оживился:

– Я помню это дело. Судья, правда, был другой, но я его помню. Ландора осудили на основании ваших показаний. Ведь это вы расследовали то ограбление?

– Я, – подтвердил Блор.

– Ландор получил пожизненный срок и год спустя умер в Дартмуре. Он был слабого здоровья.

– Он был бандит, – отрезал Блор. – Это он уложил ночного сторожа. Там все свидетельствовало против него, с самого начала.

Уоргрейв медленно проговорил:

– Кажется, вы еще получили благодарность за умелое ведение дела.

Блор угрюмо ответил:

– Повышение.

И хрипло добавил:

– Я исполнял свой долг.

Ломбард неожиданно звонко рассмеялся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.